

Юлия Резина

ВРЕМЯ ВБРОД

ВЪЕШУ ВРЬОТ

Юлия Резина

Время вброд

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8320682

Время вброд. / Ю. Резина: Издательство «Э.РА» ; Москва; 2014

ISBN 978-5-00039-084-9

Аннотация

Юлия Резина – родилась в Москве. Кандидат медицинских наук. В течение многих лет возглавляла научно-исследовательские экспедиции на ледоколах в арктических навигациях. Автор двух поэтических сборников и книги повестей. Финалист Международного Турнира Поэтов «Пушкин в Британии», лауреат Международного конкурса поэзии «Серебряный стрелец». Автор антологии поэзии «Земляки», сборников «Эмигрантская лира», «Поэзия женщин мира», альманахов «Под небом единым», «Истоки», журнала «СЛОВО-WORD».

Содержание

I		5
	«Пока моей судьбы беспечный одуванчик...»	5
	«Вдруг зацепиться за пустяк...»	6
	«Ветер на рассвете в голубой постели...»	7
	«Перевести с речного на земной...»	8
	«Свет неба, дыханье цветов...»	9
	«В сентябрьской ауре деревьев...»	10
	«Лицедействуют и зеленеют...»	11
	«В лунных лагунах ликует, полощется...»	12
	«И медленно всплывать вдоль ласковых стволов...»	13
	«Галера дерева и корни – якоря...»	14
	«Зелёные дымы весны...»	15
	«В костёр строки – гори, моя беда!...»	16
	«Лето – грозы, вихри листьев...»	18
	«Осеннего сонного солнца слюда...»	19
	«Янтари осенние, алые кораллы...»	21
II		22
	«Большеглазая бессонница...»	22
	«Волна сердечного волнения...»	25
	«Вот и лето... Песня спета...»	26
	«И всем смущением и робостью...»	28
	«И снова полярного бреда...»	29

«Колкое – Коленька! И с колоколенки...»	30
«Тоньше тени паутины...»	32
«Окликни – оглянись. Калиновым кустом...»	33
«Что нам осталось? Куда нам деться?..»	34
«Травы – струны, да ветер – смычок...»	35
«Волшебный том! Перелистну ещё страницу...»	36
«Наркозы осени, морозы декабрей...»	37
«Гуляка, враль, красавец, сердцеед...»	38
«Легчайшим миражам, пленительным и нежным...»	39
III	40
«Легчайший пепел дневников...»	40
«Пустяк, оговорка, описка...»	41
«И опять – бубенцы-колокольчики...»	42
«Листопадом любовь – и зимой, и весной, и летом...»	43
Пришельцы	44
«Третья часть, оркестранты, внимание, и...»	45
«Снова скрипка – пассажи, вибрации...»	46
«Баюкать давний май. Опавшие слова...»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юлия Резина

Время вброд

Любимым – ушедшим и идущим

I

«Пока моей судьбы беспечный одуванчик...»

Пока моей судьбы беспечный одуванчик
В безветрии стоит у поля на краю,
Бродяга-менестрель, печальный шут, шарманщик,
Я тихо говорю своё «Благодарю!»
Всем обернувшимся, застывшим на мгновенье,
Захваченным врасплох мелодией дорог...
Даруй им небеса, мой легкокрылый бог,
Но не лишай земного притяженья!

«Вдруг зацепиться за пустяк...»

Вдруг зацепиться за пустяк:
Росток игрушечным кинжалом,
Часов беспечное тик-так
И памяти бессонной жало,
В прорехи звёздные сквозняк,
Расфокусированность взгляда —
Всё – будто кокон шелкопряда...
Кто тот неведомый рыбац,
Отдавший световую нить
На сеть нездешнего плетенья,
Чтоб в океане отчужденья
Печаль чужую уловить?
Или попасться в нежный плен
Предощущения цветенья —
Вдыхать древесных сновидений
Эфир зелёный перемен.
Любви тончайшее лассо —
Не выскользнуть из этой сети...
И крупным планом – дети, дети —
Судьбы внезапное лицо.

«Ветер на рассвете в голубой постели...»

Ветер на рассвете в голубой постели
Сдвинул гору тучи, чтобы полетели
И легли, упали на моря и дюны,
На леса и скалы световые струны.
Вытяну тончайшую пёрышком старинным,
По ночам звучащую песней лебединой,
Уведу в подстрочник диких трав, пророчеств,
Тайны многоточий, бездны одиночеств...
А к утру в катрене нерва трепетанье:
Тремоло и трели, хрустали в гортани, —
Юной филломелой¹ рвётся вон из плена,
Как душа из тела, песня из катрена —
Отдалённым эхом света-паутинки,
Тем, что опадает из небесной синьки,
Тем, что замерцает в темноте крошечной,
Как пойду дождями по дорогам здешним.

¹ соловей (исп.)

«Перевести с речного на земной...»

Перевести с речного на земной,
Цветочного, лесного, и дыханье
Перевести,
и время, что со мной
Неравную игру на выбыванье
Ведёт. Упасть в объятия травы,
Вдыхать настой цветущих медоносов
И дочитать до утренней главы
Повествованье мелей, миль и плёсов.
Постичь урок смирения волны —
Итог полётов, гибельных баталий,
И обнаружить фолиант луны
На дне реки, в глубоком зазеркалье.
Ах, время, – мой насмешник-визави!
Как дописать сонет, сонату, песню —
Том переводов на язык любви?..
И уронить на дно реки небесной.

«Свет неба, дыханье цветов...»

Свет неба, дыханье цветов,
Зелёные летние дымы...
В подстрочнике жизни – любовь:
Любовью хранимы, гонимы.
В глаголах прощальное «эл»,
Короче строка многоточий,
А я прочитав не сумел
Седых одуванчиков почерк
Летящий, гексаметры волн,
Концертов цикад партитуры,
Кудрявых каракули крон
И тайные знаки цензуры
На строфах созвездий – молчит
Небес фолиант в изголовье.
И только безумный пиит
Внимает звучанью безмолвья.
Он плачет, любимец богов,
Смеётся и машет руками.
И сад засыпает его
Черешневыми лепестками.

«В сентябрьской ауре дерев...»

В сентябрьской ауре дерев
Бурлит реторта.
В ней – сон и явь, и миф, и блеф,
Amor et morte.
Велик Алхимик – светлый лик —
Волны легато —
Зеркалит мрамор базилик
В часы заката.
По золоту – легчайший лист,
Едва остывший,
Судьбы незримый Сценарист
Ночами пишет.
И в прописях волосяных —
Все тайны мира —
Что жизнь твоя? Твой страх и стих? —
Честна ли лира?
Каков итог? Истёк ли срок?
Все piano, forte...
И красной нитью между строк:
Amor et morte.

«Лицедействуют и зеленеют...»

Лицедействуют и зеленеют
В сентябре и трава, и листва.
Летним солнцем залиты аллеи,
Синева безупречно чиста
Над волной, но исчезли стрекозы,
И ночей загустела зола, —
Будто тень отдалённой угрозы
На поля и поляны легла.
И тревогою древних пророчеств
Наполняя цветной парашют,
Неприкаянный бог одиночеств
Совершает свой вечный маршрут.
И взлетают пернатые стаи,
Умолкают оркестры цикад,
Сад в предчувствии бед замирает,
И волчица рычит на волчат...
НО
поёт оглушённому миру
Всё о НЕЙ... —
одинок, нелюбим,
Менестрель —
под Селеной-секирой
И под богом высоким своим.

«В лунных лагунах ликует, полощется...»

В лунных лагунах ликует, полощется,
Плещется, радуется пробуждению
Музам – сестра, компаньонка, помощница,
Сердцу – огранщица слуха и зрения.
Дарит б е с с о н н и ц а тропы межзвёздные,
В сеть миражей увлекает, обманщица.
Ночью острожной, тревожной, морозною
Веткой черешневой пенится, дразнится.
Держит в объятиях новую пленницей,
Дрожь вызывающей лаской нездешнею.
Просит – всего-то! – глоточек, безделицу:
Лакомства сладкого – сока сердечного...

«И медленно всплывать вдоль ласковых стволов...»

И медленно всплывать вдоль ласковых стволов
Со дна земли, влекома в водоёмы
Небесные... Прошу: не надо про любовь!
Лети, лети, осенний, невесомый,
Несомый ветром прямо в кому-дрёму,
Отгрезивший своё,
в своё посмертье лист!
Я в зареве малиновом заката
Хочу стоять, пока небесный органист
Не разразится фугой и токкатой,
И долгой левитации легато
Осенней темою вокруг оси земной
Волной впадёт в потоки листопада,
И возвестит отбой эоловый гобой
Стараньям славным леса, поля, сада...
Свершение – печальная отрада...
А в роще пауки последние стежки
В завесу паутинную пунктирно
Кладут меж миром слов и миром, где стихи
В сплетенье тем виоловых, клавирных,
Ещё в плену у тишины надмирной...

«Галера дерева и корни – якоря...»

Галера дерева и корни – якоря;
Пьянящее желанье веток-вёсел
Сорваться и уйти в небесные моря,
Покуда парус не порвала осень.
Пока Ваятель гнёт, гибает поутру
В подкову радугу в небесной синьке,
И чья-то жизнь (моя ль?) беспечно на ветру
Качается, висит на паутинке,
Рас-ка-чи-ва-ет-ся —
Волною вниз и вверх...
Мелькают блики, радужные лики.
И гул, и звук, и слог из облачных прорех —
Иного мира явные улики
Уходят в белый лист, в истоки странных строк,
И радуга мостом над местом тризны...
И вечный душ ловец, пока не вышел срок,
Не подсекает паутинку жизни...

«Зелёные дымы весны...»

Зелёные дымы весны —
Туман и дурман пробужденья,
Деревьев и птиц нетерпенье
И сердца, и тварей лесных.
Не будем гневить небосвод
Забвением нажитых истин.
Вот грохнет речной ледоход —
И русла, и мысли очистит.
Младенческий лепет листвы
Сродни возвращению в детство.
Прекрасны пернатых соседство,
Нечаянность первой строфы...

«В костёр строки – гори, моя беда!..»

В костёр строки – гори, моя беда!
Катрен – в камин, уничтожая память,
Водой в огонь – всеильная вода,
Размой и унеси: ни пепла, ни следа
Чтоб не осталось... Ах, зачем лукавить!
Вот зеркало, в нём – взгляд и вскрик, и взлёт,
И обморок совместных левитаций...
Как долго между нами таял лёд,
Пока судьбы не грохнул ледоход,
И в пламени азалий и акаций
Не запылала вето... Старый сад
Был изумлён и, притаившись, слушал:
– Что ты сказал?! Скажи пять раз подряд!
Нет, замолчи!..
– Скажу. Я буду рад:
Впервые распечатаваю душу...
Туман дорог. Зарока срок истёк.
Ещё в начале яблочного спаса,
Как чашу, брал лицо и всё не мог
Напиться, будто бы иссяк исток...
И лопнул волосок. И мир взорвался...
Строка к строке, межстрочия секрет,
Кузнечиковой скрипки флажолеты...
Что жёг закат, что пестует рассвет? —
Скажи, поэт!

Что есть стихи, поэт?

(взгляд в ад)

– Любви разменная монета...

«Лето – грозы, вихри листьев...»

Лето – грозы, вихри листьев,
Шторм, мальстрема виражи,
Тайны храма древних истин,
Атлантиды миражи;
Чёрных облаков кипенье,
Море, полное чернил,
Ветер, оседлав деревья,
Погоняет, что есть сил.
Возвращенье, возрожденье,
Очищение Земли...
Снова – первый день творенья —
И по морю корабли,
И нефритовые волны
С хризолитами на дне,
Снова жёны, как мадонны, —
Клином свет и свет в окне.
Тоньше ландыша, сирени
В воздухе благая весть:
Нас на грани света-тени
Берегут любовь, терпенье;
Охраняют от паденья
Вера, благородство, честь.

«Осеннего сонного солнца слюда...»

Осеннего сонного солнца слюда.
Следами разгульных налётов Борей —
Рябиновый град, георгинов беда,
Кленовая алая кровь на аллеях.
На мельницу слова мой Сказочник льёт
Дары откровений, видения сада,
И птиц для меня поднимает в полёт,
И волны возводит в крещендо, глиссандо...
В подробностях требует срез тишины
Представить под утро без лишних вопросов
И сотню оттенков ущербной луны
На грани рассвета у плёсов белёсых.
Мой Сказочник добр, и его веселит,
Как я постигаю небес псевдонимы —
И в прописях жизни: «Не хлебом единым, —
Пишу под диктовку, — жив, дышит пиит»...
И думаю: верно, не хлебом единым,
Пока синим пламенем время горит, —
Нелепой любовью... и синим массивом
Ледовых морей, и осенней осины
Серебряным эхом, и эхом Марины —
Салютом рябиновым...
неугасимым...
Земным одиночеством нерасторжимым...
И росчерком мимо косых — некрасиво,

И дальше, и больше, с нажимом, курсивом...

«Янтари осенние, алые кораллы...»

Янтари осенние, алые кораллы.

С золотым тиснением это покрывало

Покрывало просеки и бросалось в ноги

Путнику, что посохом разбудил дорогу.

Облака ушедшие, дым рассветов тонкий,

Эхо отзвеневшее собирал в котомку.

В речке солнце плавилось, журавли кружили.

Реченька – красавица... берега чужие.

Нет пути обратного. Небо вместо крова...

Тишина закатная опадала в с л о в о.

II

«Большеглазая бессонница...»

Я и в аду тебе скажу...

Марина Цветаева

Большеглазая бессонница.
Звёздные купели...
Волком воет и заходится
Геликон метели.
Ухает безумным филином, —
Мёртвые глазницы...
Скрипочка, откуда, милая?
Что тебе не спится?
И о чём так тонко-тоненько,
За какую дверцей
Ты рыдаешь, моё золотко?
— Я всегда из сердца
Безутешного. Метельная
Вьюга, как в запое.
Сам в огне, и колыбельную
Бредит, просит: спой мне!
Ночь, пурга да мгла вселенская, —
Расходилась нежить...

Божья воля – доля женская —
Утешать да нежить...
Возвращайся!
– Я ль не нежила
Заповедной ночью? —
Отводила ведьму, лешего
И тоску, и порчу.
Не мои ли колыбельные
Слушал, затуманясь? —
Ветер, сосны корабельные
Знали их на память...
Унимала нерв трепещущий
Над губой губами...
Краше не было убежища
Звёзд над головами.
Слаще не было мгновения, —
С горем ли, бедою
Как валился он в колени мне
Львиной головою.
Знала: лба разгорячённого
Не цели! Не трогай
Обречённо обручённого
С ветром да дорогой!
Не держала приворотного
Зелья и обиды.
Виден был до поворота он
И пропал из виду.
Что ж ты, скрипка, боль сердечная,
Трогаешь до дрожи?

Голос-волос в ночь нездешнюю —
Как игла под кожу!
Между нами даль дорожную
Выжгло время-пламя...
Плачу пленницей острожною:
Нынче выйти невозможно мне... —
Райский сад меж нами...

«Волна сердечного волнения...»

Волна сердечного волнения
В излёте лет, исходе дня.
Затакт любви. Звезды паденье.
Души очнувшейся уменье
Читать ночами без огня
Подстрочник трав, страницы тени,
След тишины, опавшей в звон,
Загадки лунных отражений,
Цветные дымы сновидений,
Божественные рифмы волн.
И, зачарованная ими,
Пытать судьбу, отринув страх.
Вдруг обнаружить: Ваше имя,
Тревожное, взрывное имя,
В чечётке бьётся на губах.

«Вот и лето... Песня спета...»

Вот и лето... Песня спета
Лучшая моя.
Нотой флейты ли, кларнета,
Птичьих перьев пируэтом
На крыле гуляки-ветра
Улетаю я.
Надо было бы проститься, —
Броды глубоки...
Я тебе не стану снится,
Но не пей дурной водицы
Лищедейки, лгуны, лъстицы, —
Крылья береги!..

Гонят годы по орбитам
Божьи пастухи...
Страсть волною динамита...
Облака в глазах пиита, —
Сердце бедное разбито
Вдребезги... в стихи...

Осень. Парус листопада.
Жизнь – водой в горсти.
Ты идёшь аллеей сада,
Пленной тень шагает рядом.
Отпусти меня, не надо!

Господи, прости!

Не тревожь стихами, снами

Не пиши мне: «Мисс...»!

Нам любовь не брать с боями...

Схоронила за морями

Всё, что приключилось с нами...

Между нами – дни-цунами...

Океаны... Жизнь...

«И всем смущением и робостью...»

И всем смущением и робостью,
И неба облачную лопастью,
Кровавой кроной октября
Мне присягать на верность вечному
Движению по морю млечному
Поверх сетей календаря.
И хриплой воронья истерике
Не долететь до кромки берега
«Цветных ветров блаженных дней»,
Где ждёт меня мой друг единственный,
Ушедший за моря за истиной,
Не развернувший кораблей.
Есть тема тонкая в печали, и
Её тишайшее звучание —
Душе и свет, и благодать...
Я знаю, кто в своём безвременье
Вдруг ветер попросил сиреневый
Мне нежно кудри растрепать...

«И снова полярного бреда...»

Н. С.

И снова полярного бреда
Видения ночью и днём,
Архипелаг Норденшельда
Весь высвечен синим огнём.
В разорванных льдинах зелёных
Хрустальная хлещет струя,
И в этом просторе безмолвном
Извечный абсурд бытия
Не давит, не мучает горла —
Помиловал, бросил: «Дыши!»,
И вовсе не надобно формул
Для постиженья души.
А иначе, где бы взять силы
Осилить бессилие слов
И ранние Ваши седины,
И склянку песочных часов.

«Колкое – Коленька! И с колоколенки...»

Н. С.

Колкое – Коленька! И с колоколенки
Памяти окликом: льды, ледакол
И клокотание глыбы расколотой
В клоны и клинья. Пожар, произвол
Солнца на гранях гремящего крошева
Радужку ранит, а сердцу – восторг:
Льдов пламенеющих мощь и роскошество,
Магмы ледовой горящий поток.
Тяжеловесной турбиной хрустальной
Туго закручен в волну океан...
Вспышкой магния в странствия дальние
Парною тенью взлетел дельтаплан —
Риском описки в главе «Одиночество»
Над полыханьем ледовых полей,
Князь мой серебряный, Ваше Высочество,
Тени навечно венчает Борей.
Кто мы? Куда? Из какого столетия?
Речи – картечи: дуэт ли, дуэль?
Грустные вести из устья предсердия,
Плен корабельный, иллюзии хмель,
Воздух свободы, пьянящий и гибельный,

Да нестерпимая льдов синева...
Нерасторжимая, где бы мы ни были,
Связь между нами – табу тетива...
Что ж ты наделал?!
У самого полюса —
В пропасть прощанья – в ледовый раскол
(Взорванным сердцем и сорванным голосом)
В эхо разбил драгоценный глагол...

«Тоньше тени паутины...»

Тоньше тени паутины
На подрамнике травы
Свет печали... Всё едино...
Осень, душу не трави
Золотой листвы круженьем,
Струнным серебром дождей,
Времени самосожженьем,
Ожиданием вестей
Срочной почты звездопада:
Друг мой отбывает срок
В райских куцах.
Мне бы надо
Распознать меж звёздных строк
Время встречи...
И проснуться
В час Венеры – дом Тельца,
Чтобы вновь не разминуться
У заветного крыльца.
Там уже горят рябины,
Полыхает клёном лес,
Проявляется незримый,
Тоньше тени паутины
Тихий свет иных небес...

«Окликни – оглянись. Калиновым кустом...»

Окликни – оглянись. Калиновым кустом,
Клоками облаков и клёнов клокотаньем
На яростном ветру, и подвесным мостом
Между мирами грёз, и солнечным касаньем
Чела (ах, боже мой!) являет память власть...
Грядущею грозой полны тревоги птичьи,
И сумерки вот-вот готовы в ересь впасть:
Сгуститься и войти, приняв твоё обличье.
Обласканы луной знакомые черты...
И целованье век, и радость... и отвага
Знать: это – сон, мираж, объятье пустоты...
Но влага на губах солёная...
но влага...

«Что нам осталось? Куда нам деться?..»

Что нам осталось? Куда нам деться?
Давай станцуем под бубен сердца!
Под ритмы бубна, под грохот крови
Станцуем танец Судьбы с Любовью!
Мы оба знаем, что опоздали...
Плывут деревья в зелёных шалях.
Зелёный ветер звенит тревожно
О том, что поздно, мы знаем – поздно! —
Звездой упала нам эта встреча.
Зелёный ветер. Тревожный вечер.
Пожар заката в тумане сером.
Давай станцуем, мой кабальеро!
Нам день грядущий – что день вчерашний.
Давай станцуем, мой опоздавший!
Очей отрада – не наглядеться!
Давай станцуем под бубен сердца!

«Травы – струны, да ветер – смычок...»

Травы – струны, да ветер – смычок.
Поначалу – легато, легато,
Нежно, ласково, чуть виновато:
Рондо детства – поющий волчок.
А потом, а потом, а потом —
Всё тревожнее – юность-анданте,
Всё стремительней – годы-куранты,
Ураганная fuga, потоп!..
А кому-то откроется код
Партитур и утрат, и разлуки...
Так незрячий легко узнаёт
Тихой женщины дивные руки.

«Волшебный том! Перелистну ещё страницу...»

*Пляски саламандр
...аккорды, как дневник,
Меча в камин комплектами, pogodно...*

Б.Пастернак

Волшебный том! Перелистну ещё страницу,
Покуда ночь звенит дождём, пока не спится.
Ещё одну, ещё одну о нашем счастье
Предам крылатому огню в каминной пасти.
Кто грациозней саламандр, скажи, станцует
Души пожар, полночный жар, вкус поцелуя,
Крепендо страсти, морок сна, обмана петли,
Любви оставив письма на тёплом пепле?!
И кто вплетает в посвист вьюг озноб угрозы:
«Нам жизнь дарована, мой друг, в летальной дозе!»?
Кто унесёт последний страх и голос кроткий?..
А дождь в стеклянных башмаках всё бьёт чечётку.

«Наркозы осени, морозы декабррей...»

Наркозы осени, морозы декабррей
И вдохновенья опийные дозы
Спасают от тенет житейской прозы,
Чем больше прожито, тем легче и верней.
Любовь моя, прощай! – Каков гребец Харон! —
Его ладья уже спешит обратно!
Но память так подробна, мысль опрятна
И благосклонен нынче небосклон.
Птенец-соловушка – моей надежды свет —
Над тихим омутом теперь выводит трели.
Ах, жизнь подобна фарсу, в самом деле!
Но поздней осени гобои и кларнет,
Но верность ветра гибнущей листве,
Дарующего ей полёт забвенья,
Но опийные дозы вдохновенья,
Но частый всплеск весла в светящейся волне...

«Гуляка, враль, красавец, сердцеед...»

Л. Г.

Гуляка, враль, красавец, сердцеед —
Мой жертвенный костёр, зенит моей печали.
Какие небеса когда-то нас венчали! —
В них нынче истончается твой след...
Благодарю за вечность тех минут,
За взлом взрывной хребта от выпрастанья
крыльев,
Что всё ещё несут над суетною былью
И пасть, и опуститься не дают.

«Легчайшим миражам, пленительным и нежным...»

Легчайшим миражам, пленительным и нежным,
Очнувшейся души не обмануть:
«Всё – суета сует»... И небеса безбрежны,
И жребий принят, предугадан путь.
Очарованья дым строфою листопада
Увековечит ветер сентября...
Всё – на круги своя... И давнею отрадой
Мне паруса, и дальние моря:
Там лунный луч волну зелёного атласа
Наполнит хризолитами до дна;
Там внятен шёпот муз, ночной полёт Пегаса...
Но побледнел скрипач в созвездье Волопаса:
Волосная лопнула струна...

III

«Легчайший пепел дневников...»

Легчайший пепел дневников —
Спаситель и палач,
Добыча ночи, сквозняков...
Читай, пока горяч!

«Пустяк, оговорка, описка...»

Пустяк, оговорка, описка,
Иголки укол, багатель...
Настигнет предчувствием риска
Далёкой судьбы параллель.
Ах, лучше не надо, не надо
Тревожить сиротства покой!
А то обернётся громадой —
Преграды взорвавшей волной,
Что вынесет нас в поднебесье
И рухнет с любовных высот,
Оставив лишь пену и песни,
Да ветер, что их унесёт.

«И опять – бубенцы-колокольчики...»

И опять – бубенцы-колокольчики:

«Ангел мой, не грусти, не грусти!»...

Лунный след – светлый контур игольчатый,

Ливень звёздный на Млечном пути.

В чащах, рощах – свеченье, смятение,

Мята смятая вслед: «Задохнись!»

Шёпот-лепет речного речения,

Вещих снов эфемерная жизнь.

Ангел мой, я в труде и смирении...

Знаки нежности вижу везде:

«Мудрость непротивления времени» —

Акварелью луны по воде.

«Листопадом любовь – и зимой, и весной, и летом...»

Листопадом любовь – и зимой, и весной, и летом...
Ураганным финалом последний – осенний порыв.
Мы стоим на меже-рубеже – между тенью и светом,
Между волей и долей, ладони до боли сцепив.
Под звездой расставанья рождённым, что делать
влюблённым?
Эту вязкую зависть к пернатым дано ль одолеть?
Сеет свет сквозь листву – золотистый, зелёно-
лимонный...
Скоро-скоро Борей разобьёт деревянную клеть.
Пелериною жёлтою – листья, а чёрною – птицы
Полетят в зазеркалье бессонной, зелёной волны...
За меня за морями ночами ты станешь молиться
И катрены свои приносить на алтарь тишины.
Одиночество – осени путь... Лебединые песни.
Листопада безмолвное: «Стой!». Тишины благодать.
Белый ангел крыла распахнул перед бездной отвесной.
Чёрный ангел шепнул: «Это шанс научиться летать».

Пришельцы

Встретились несчастными глазами,
Словно вместе одолели путь...
Марсианин, снами-миражами
Поделись со мною и забудь!
Разведу свою беду твою —
Лучшее лекарство от беды...
Не узнаешь, – права не имею:
Я своей не назову звезды.
Стану слушать про любовь и битвы.
Болевая будет виться нить.
И слезу твою – по векам бритвой —
Мне потом ни вспомнить, ни забыть.
Перекрёсток. Солнце – крестовиной,
Блики на губах и на виске
Искушеньем.
Путь далёкий, длинный...
Будто к сердцу, припадёшь к руке.

«Третья часть, оркестранты, внимание, и...»

Третья часть, оркестранты, внимание, и...
Поначалу, чуть слышно: тревога;
Тема неба и птиц; проливные дожди
И – впервые! – в тумане дорога.
Ветер – исподволь: флейты, гобой и труба...
Чуть настойчивей тема тумана:
ПУТНИК! – Путь-провиденье-судьба...
Лист – багряная рваная рана...
На плече...
Весть! – Альтовым пассажем навзрыд...
Тема встречи – безумие скрипки...
Раз-ми-ну-лись...
И снова уносит пиит
Шар надежды на тоненькой нитке.
Ветер, взрыв – геликон! И труба! И война!
Крон протест, листопада кипенье...
Вот и лопнула нить, оборвалась струна...
Смерть надежды – условие смирения...
Снова тема дороги... стихает Борей.
Мудреца путь прямей и короче.
Эй, ударные, легче, нежней дробь дождей!
Ямбы яблок в садах чуть почётче!

«Снова скрипка – пассажи, вибрации...»

Снова скрипка – пассажи, вибрации —
Репетиции небытия,
Потрясенья, провалы прострации...
Чей дурман – сон-обман: ты и я?
Чьё неведение или видение —
Мы вдвоём? – Безупречный мираж...
Тема вечная: «Разминовение»...
Случай – миф, мимолётный пассаж:
Помнишь ли корабли океанские
В с т р е ч н ы м (!) курсом? (Фортуна – палач)...
Зацвели поля марсианские, —
Уходил в поднебесье скрипач...
Или тем аметистовым вечером,
Когда мироточИла сирень,
Ты неслышно прошёл незамеченным...
День погас... Тень окликнула тень...

Белых яблонь весеннее месиво
Ветер вывел шутя из пике.
Ночь-рыбачка улов свой подвесила:
Звёздный невод на лунном крюке...

**«Баюкать давний май.
Опавшие слова...»**

Баюкать давний май. Опавшие слова...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.